
**

Старый воевода сидел на лавке десантного бота и всё ещё с сомнением осматривал свою левую руку. Клонированные ткани, полностью заменившие протез, ощущались удивительно натурально, хоть и не было в них всей его силы. Полностью реплицированная конечность — дорогое удовольствие, уж точно не по карману складскому сторожу. Тем не менее, вот она рука, торчит из плеча, как родная, будто и не было в его жизни полутора лет того жалкого существования на Омеге с уродливой корягой, которой и дробовик-то нормально не зарядишь. Правая рука невольно легла на бицепс левой, на то место, где уже не осталось шрама, но тонкая полоска отчётливо отделяла молодую, ещё более насыщенного цвета, и куда более тонкую кожу. Пожалуй, нулевой элемент эта рука проводит ничуть не лучше, чем протез, но всему своё время. Главное, что у него теперь снова есть рука, а сила вернется.

— Любишься? — Нагло вторгся в его, почти интимный мыслительный процесс синтетический голос. Восемь из десяти кроганов на такое наглое и, в какой-то мере ехидное замечание ответили бы чем-то вроде разрывания наглого пыжака надвое. Девятый бы послал кварианца на родной корабль, Гаршок был десятым. Он тряхнул головой и, довольно оскалившись, взглянул в затемненный шлем.

— Именно. — Буркнул он.

Да... Годы полуголодного существования калеки сделали воеводу очень осмотрительным. Давным-давно, когда кроган только получил свои увечья, все его мысли были об одном: чтобы его добились. Но судьба сыграла с ним злую шутку. Застрелиться на первых порах не позволили сначала враги, а потом гордость (или страх, сейчас уже не важно). А потом стало уже и не до того. Кроганы едят много, а без заработка в «цивилизованном» мире можно сдохнуть от голода так же быстро, как и в пустыне. Вот и пришлось ему выбирать: застрелиться голодным, но гордым, либо устраиваться на любую работу, лишь бы хватало на еду и ночлег, мечтая однажды отомстить. Гаршок выбрал второе и почти полтора столетия охранял склады на Омеге, пока не пришёл кварианец и не сделал ему предложение, от которого просто нельзя было отказаться.

К тому времени Гаршока достало абсолютно всё. Сторожка, наниматель, с которым приходилось быть вежливым, пыжаки, воры, крысы, ворка и прочая шваль, что пыталась пролезть на склад. Крогана уже начало преследовать чувство, что это не закончится никогда. Торговцы не очень дорого оценивали разодранные дробью скафандры неудачников. Так что сэкономленных денег едва хватало на почку. А это было далеко не единственный орган, отсутствующий в организме воеводы.

Он согласился на всё, что ему предложил кварианец, лишь бы убежать от каждодневной скуки, даже не пустив в свою акулью голову, что это могла быть какая-то шутка или засада. Хотя нет, Гаршок молил Аралаха, чтобы это была засада. Достойная смерть вот уже много лет была пределом его мечтаний.

Дальше был Бекенштейн. Частная клиника с глупо звучащим названием на каком-то человеческом наречии, которого даже не было в базе данных переводчика. Там Гаршок и просидел почти год. Половину которого он любовался, как в прозрачных колбах с мутной жижой растут его новые органы. Потом был период, который кроган помнил плохо. Его кромсали, что-то пришивали, что-то удаляли. Это длилось почти два месяца. Но оно того стоило.

Пусть его биотика ослабла почти вдвое, это временно. Пусть он стал теперь цепным варреном у пыжака, не способного даже выползти из собственного скафандра, пусть всё катится к молотильщикам, главное, что сейчас он снова ощущал себя кроганом!

Но его ощущения — это только его проблемы. Сейчас же Гаршок летел проверить своё обновлённое тело в действии на какую-то отдалённую планету, название которой ему не сообщили. Для кроганов такое было нормально. Его сопровождал кварианец, усиленно изображавший простого солдата. Ага, как будто так просто забыть, как он отдавал приказы докторам в клинике. И ещё интереснее наблюдать, как в струнку вытягиваются турианцы, когда он проходит мимо. Да и пилоту приказы отдает он. Раал'Тар. Надо будет приглядеть за ним в бою. Ещё в том же челноке вместе с кроганом летели тринадцать азари-коммандос. Все опытные, напряженные, в наглухо закрытых дорогах скафандрах. При всем их бабьем желании выделяться и быть непохожими друг на друга в обычной обстановке, сейчас они были похожи друг на друга, как капли дождя.

Было ещё два шаттла. В них летели люди. Гаршоку раньше не доводилось с ними сталкиваться в бою, он остался не у дел много раньше, чем эти ребята успели заявить о себе. Но то, что он видел на брифинге, ему понравилось. Сильные, проворные, решительные. И тот запах, который витал над ними... Они летели не на простую операцию. Они шли КАРАТЬ.

Это значило лишь то, что они знали о предстоящей высадке немного больше, чем кроган. И дела это не меняло.

**

Этот штурм был не такой, как все предыдущие. Для Раала это было ясно с первых минут. Не такой продуманный, не такой чистый... в общем, просто не такой.

Сам комплекс отыскали быстро, хотя и не без труда. Запрятан он был так, что, если не знаешь, то и вовек не отыщешь. Первые шесть челноков, которые предусмотрительно запустили пустыми, настроив их ВИ на автоматическую посадку, были без каких-либо предупреждений сбиты мощной системой ПВО. За ними в атмосферу ворвались «Дельты», атакуя проявившие себя турели и выписывая в воздухе такие виражи, что дух захватывает. Десант пошёл уже третьей волной. С боем брать приходилось каждую комнату. У людей в комплексе было достаточно времени, чтобы подготовиться к осаде. Автоматические турели, баррикады, биотики, газ... Они были готовы ко всему.

Раал в очередной раз удивился, насколько послание из прошлого было детально. Если бы не оно, если бы не многочисленные предупреждения Лео о том, что надо готовиться к худшему, штурмуя это место, потерь было бы в разы больше. А так впереди шел живой танк, укрытый щитами и барьерами, и сносил всё вокруг, дальше в помещение забегали биотики и ставили неподвижные барьеры, а уже за ними заходили солдаты и создавали правильный перевес в огневой мощи. И так каждый следующий отсек. Монотонно и долго, пока не дошли до подвалов.

И вот тут-то народ и пробрало. Лео их предупреждал, что увиденное никому не понравится. Но такое... В первую очередь поражал размах. Они шли спасать десяток озверевших от скотского обращения и постоянных опытов человеческих детей. В реальности же их были сотни.

Подземный комплекс был не просто велик, а огромен. Карты, скачанные из с трудом взломанной сети, говорили о десятках квадратных километров рабочих площадей. Мегатюрма

с огромнейшей лабораторией, больше похожей на пыточную.

На фоне таких вот неожиданностей как-то по-детски наивно смотрелось предположение Леонарда о том, что в комплексе издевались только над человеческими детьми. Здесь были представлены все расы, имеющие склонность к биотике. В отдельном отсеке с искусственно воссозданными условиями содержались даже волусы. Азари и людей было примерно поровну, но нашлись также и пара турианчиков, которых непонятно как проворонил Кабал.

Настроение кварианца, как и всех, кто принимал участие в штурме, было хуже некуда, нервы — на грани срыва и наличие сотрудничающих пленных ни разу не улучшало обстановку. Несколько человек из штурмующей группы пришлось отозвать наверх, у них сорвало башню, рвались вперёд убивать «эсэсовцев» (что это такое Раал'Тар собирался выяснить позже, но и ему понятно, что ничего хорошего). Он их не осуждал, сам держался еле-еле. С азари в группе тоже были проблемы. Если мужчины людей просто в ярости стискивали зубы, то у синих вид измученных детей вызвал полнейший шок. У одной случился приступ биотической ярости, во время которого она перетерла масс полями какого-то «врача». Вместе с кабинетом, мебелью и терминалом, вырванным из стены. Горе-воительницу скрутили стазисом пятеро более крепких духом подруг и вкололи такую дозу седативов, что она вырубилась на месте.

Медленно, но верно отряды продвигались по лабораториям, камерам, офисам и коридорам, расстреливая всё, что отстреливалось и беря в плен всех, кто верещал громче всех.

В конце концов комплекс был взят. Но работа для Раала только начиналась. На помощь к ним никто не придёт, до ближайшего сеанса связи ещё неделя, потому и торопиться некуда, значит, нелюдей (тоже интересное слово, услышанное кварианцем от одного из бойцов), можно допросить прямо на планете. К тому же, детей надо было переправить на «Голландец» с максимальной осторожностью и что-то придумать с волусами.

Дети... отдельный повод для содрогания. От разумных социальных созданий в них осталось мало. Маленькие варрены, смотрящие на взрослых, как на самых ужасных существ на земле, а друг на друга — как хищники, готовые вцепиться во всё на свете по любому поводу, за лишний кусок пайка. И таких триста тринадцать. Но все они без исключения ненавидели триста четырнадцатую, или нулевую, как они сами её называли.

Им, конечно, сказали, что мучить больше не будут. Тех, кто помнит своих родителей, или хотя бы название родной колонии, попытаются вернуть домой. Но наёмникам не верили. Положение чуть-чуть спасали конфеты и сладкие азарийские армейские пайки. Но прямо скажем, работали «средства приручения» плохо. Тем более, даже крейсер не был рассчитан на такую пропасть детей.

Кроме того, был еще один немаловажный факт. Кто в замкнутом пространстве космического корабля справится с тремя сотнями неуравновешенных биотиков?

Спустя три дня изнурительных допросов у Раала, спасённого человеком, дружившего с человеком, служившего под командованием человека и с людьми же ходившего в бой, вертелся в голове только один вопрос: и вот это тоже люди?! Не сдерживаясь, он тут же адресовал его ближайшему подчиненному из того же племени, на что получил злое «к сожалению». Сразу вспомнился Лео. Ребёнок тринадцати лет, смеявшийся с ним вместе над забавными моментами любимого фильма и он же, хладнокровно отдавший на разрушение собственную колонию. Неужели, это действительно раса, которой он восхищался, на которую возлагал надежды?

Сразу вспомнился не менее подходящий пример, Голо Мекк, кварианец, пытавшийся продать

коллекционерам детей собственного народа. Стоп! Собственного народа? Раал похолодел внутри, ему стало тошно от собственных мыслей. Собственного народа. А чем хуже остальные дети? Нет, он не такой, как Мекк. И не такой, как эти люди. Но он, как и все разумные галактики, живёт по принципу «своя рубашка ближе к телу». Так что нечего здесь разводиться политесы, надо делать дело и молить Килу о том, что он выбрал правильную сторону.

— Ох, Лео, я клянусь, что задам тебе пару неудобных вопросов при нашей следующей встрече.
— Кварианец устало поставил локти на стол и припечатал ладонями забрало. — И первым из них будет, как же ты живёшь с этим?!

**

Девочка впервые в своей сознательной жизни проснулась не от боли. Это было такое нежное и приятное ощущение, будто сон, проследовавший за ней из глубин ночного мрака, чтобы хоть чуть-чуть скрасить ужасающую, но такую привычную действительность. Это было странно, ведь два дня назад ей в спину воткнули здоровенную иглу, так что вчера она не могла ходить от боли. За миской с кашей к столу пришлось ползти. А сейчас боли не было. Просто слегка хотелось есть. Ей всегда немного хотелось есть, это было нормально. Поморщившись от накатившей неги, она потянулась и сладко застонала от наслаждения, позволив обмануться и поверить, что всё это по-прежнему самый прекрасный в её жизни сон, и она никогда не проснется.

Но не тут-то было.

— Пора вставать, соня. — Раздался откуда-то сбоку низкий грудной женский голос. Он был не угрожающий, не обещал адových мучений и прочих обычных наказаний за столь очевидный и непростительный проступок, однако рефлекс сработал сразу.

Щёлк! И вот одеяло всё ещё в воздухе, а девочка уже сидит, спрятавшись от угрозы за кроватью и вокруг неё потрескивает самый сильный барьер, на который она была способна. Её бьет крупная дрожь, глаза широко распахнуты и с ужасом смотрят на совершенно синюю женщину в незнакомом, чёрном с серебром комбинезоне, которая вольготно развалилась в углу странной комнаты с тряпичными и постоянно колыхающимися стенками.

— Ого! — Удивилась она с деланной радостью. Это девочка поняла сразу. Она давно научилась видеть по лицам, когда люди улыбаются и лгут. «Расслабься, будет не больно», или «Успокойся, мы на сегодня закончили». Эти фразы были самыми лживыми. Но и похвалы от них ушли недалеко. Даже в этот раз. Даже от этой женщины. — А ты быстрая.

Девочка не ответила. Если она заговорит без разрешения, её накажут.

— Да ладно тебе! — Продолжала улыбаться синяя девушка. — Вылезай, тебе нечего бояться.

Третья в списке самых лживых фраз прозвучала как-то иначе, чем обычно. Но это был не повод верить ей.

— Ну... Так мы с тобой не договоримся. — Протянула азари. Конечно, девочка знала кто такие азари, даже дралась с ними на арене. Самые сильные и свирепые её противницы. Но вот взрослую она увидела впервые. — Знаешь, ты есть хочешь?

Вдруг спросила женщина. Девочка не ответила, лишь сверкнула угольками глаз и машинально

сглотнула слюну.

— Смотри что у меня есть. Очень вкусная штука. — В синих тонких пальцах зашуршала обертка, девочка напряглась всем телом, и впиалась взглядом в довольно крупный брусочек. На вид она его, естественно, не узнала, но... так шуршат только ОНИ! Но разве бывают такие большие КОНФЕТЫ?! — Давай так, ты скажешь мне, как тебя называла твоя мама, а я положу её на кровать и уйду.

Имя — это вся память, что осталась у неё от мамы. Имя и голос, доносящийся с каждой ночью всё тише. Но всё-таки это было её самой дорогой тайной. Для остальных она была лишь подопытной. Даже без номера.

В подтверждение своих слов азари начала медленно тянуть за края упаковки, порождая новый шуршащий хруст. В глазах девочки встала паника. НЕТ! Она сама! Она сама её откроет! Борьба с собой была проиграна в доли секунды.

— Жаклин. — Пискнула девочка, называя имя самого дорогого для неё человека, она сама не поняла, зачем это сделала, наверное, боялась произнести свое имя больше, чем разоблачения.

— Очень приятно, Жаклин. Я Нарисса, будем знакомы. Если тебе что-то понадобится, зови меня. — С этими словами азари встала со своего стула, положила конфету на середину кровати и вышла из палатки.

Лишь дождавшись, когда угроза минует, девочка забралась на кровать снова, осторожно, как самое ценное сокровище взяла в руки батончик и заплакала. От счастья.

На пятый день Раал'Тар понял, что если не свалит с этой планеты, то сойдёт с ума. Не помогало даже общество Нариссы, которая каждый вечер с вниманием истинного психолога (или прожжёного бармена) выслушивала его тихие истерики. Остальным было тоже хреново, но намного проще, чем ему. У солдат был приказ, над Раалом — только Кила и совесть. Даже Лео в своём хронопослании отгородился от него словами, «Я знаю, ты всё сделаешь правильно». Но как это — правильно?

Кварианец не знал. Поэтому и вызвал командиров отрядов, принимавших участие в штурме. И крогана, для контраста. Или для антуража. Гаршоку было всё равно. Он просто бродил по лагерю и с неизменным любопытством оглядывал всё вокруг. В бою он показал максимум возможного, но поведение «Ветров» после драки его откровенно забавляло. Вот и сейчас он просто стоял и слушал.

— Господа. — Начал Раал'Тар. — Я закончил сбор данных и мне это место больше не нужно. Так что приказываю поступить по совести, потому как сам не могу придумать ничего кроме орбитальной бомбардировки.

Люди посмотрели на старпома, переглянулись между собой, глянули на капитана азари. Когда игра в гляделки закончилась, офицеры вразной кивнули и, один за другим вышли из командирской палатки, за ними потянулись все остальные, а Раал начал собирать свои пожитки. Остаться на этой планете сверх необходимого он просто не мог.

Когда стемнело, лагерь «Чёрного Ветра» был полностью собран, грузовые челноки уже по разу слетали на «Летучий Голландец», унеся с собой мобильный лагерь вместе с частью пехотинцев и вернулись вновь, на этот раз уже за детьми. За два часа до этого солдаты отвели пленных

внутри комплекса и приковали их к многочисленным перилам, батареям, ко всему, что нельзя было оторвать, открутить или разобрать. После, солдаты выстроили детей так, чтобы всем было видно, как сначала робкие, но потом всё более активные языки пламени вырываются из окон наземной надстройки комплекса. Через десять минут огонь уже плавил металл, возвышаясь над комплексом на добрый десяток метров и выбрасывая в атмосферу толстые клубы чёрного тягучего дыма.

Когда солнце зашло за горизонт, темнее не стало: пламя горело и над комплексом, и в душах трех сотен четырнадцати детей, отражаясь в их глазах, как в маленьких зеркалах. Казалось, дети даже не моргали. Раал не знал, понимают ли эти малыши, что происходит, но от всей души надеялся, что однажды это пламя дарует им облегчение. Наконец, столб пламени стал оседать, и солдаты стали аккуратно подгонять ребятню в сторону челноков, а когда те поднялись в стратосферу им на встречу устремились «Дельты», несущие на себе бомбы, начиненные нулевым элементом, которые сотрут не только оставшиеся следы пребывания наёмников на планете, но и то, что не съел огонь. В конце концов старпом не отказался от идеи оставить на месте комплекса кратер поглубже.

Девочка сидела на полу шикарно обставленной каюты «Голландца» и играла со всем до чего могла дотянуться руками, а то, до чего не могла, притягивала биотикой и клала рядом с собой. О многих вещах она забывала практически сразу, с какими-то напротив, не хотела расставаться вообще. Ей тётя Нарисса разрешила. А ещё она сказала, что Жаклин больше не будут бить. Вообще.

Потом они вместе с ней ходили в столовую, где было много-много взрослых, им все улыбались, даже страшные шипастые дяди, которые казались ей теперь не злыми, а даже немножко милыми. Совсем чуть-чуть. Они очень смешно раздвигали наросты у них на лицах. А у некоторых были та-а-а-а-кие красивые татуировки! Прямо во всё лицо! Белые, красные, синие, разноцветные! Они смотрелись так круто! Жаклин сразу же захотела себе такие же. Она попыталась это сказать, но не знала нужных слов. Она вообще говорила плохо. Училась выговаривать слова только когда никого нет рядом, чтобы не наказывали. А здесь ей было можно почти всё! Даже есть, столько, сколько влезет! А если нельзя, то тётя Нарисса подойдёт и попросит этого не трогать. Попросит! Не прикажет, не ударит, а именно попросит. И предложит что-нибудь другое, не менее интересное. А интересного на корабле было много.

Недавно тётя Нарисса познакомила девочку со своим другом, кварианцем Раал`Таром. Ведь у каждого должен быть друг и, желательно, не один. Так сказала азари. А ещё она пообещала, что у Жаклин тоже будет много друзей. Девочка верила. Она ловила каждое слово своей новой лучшей и единственной подруги. Она была так счастлива, что не могла даже выразить словами, как сильно, просто не знала нужных слов. Но она научится! Ведь всё, что теперь ей нужно, это сказать, как сильно она хочет здесь остаться!